

**АРМАВИРСКИЙ ФИЛИАЛ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ
«КРАСНОДАРСКИЙ КРАЕВОЙ ИНСТИТУТ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ»**

КАФЕДРА ГУМАНИТАРНЫХ ПРЕДМЕТОВ

А. В. Чеснокова

**ТЕМА ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
В «ЛЕЙТЕНАНТСКОЙ ПРОЗЕ»**

(К. Воробьёв, В. Быков, Г. Бакланов, В. Астафьев и др.)

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

Армавир – 2010

ББК 83.3

Ч 51

Рецензенты:

- Ишханова Д. И.** – старший преподаватель кафедры социально-правовых дисциплин СКИБИИТ, кандидат филологических наук.
- Кондрашова И. И.** – старший преподаватель кафедры русского языка и методики его преподавания АГПУ, кандидат филологических наук

Чеснокова А. В.

Тема Великой Отечественной войны в «Лейтенантской прозе»: Научно-методическое пособие – Армавир, АФГОУ Краснодарского края ККИДППО, 2010. – с. 32.

Ч 51

Обращение к «лейтенантской прозе», ориентированное на освобожденный от идеологических клише подход, остается актуальной задачей современной науки о литературе. В данном пособии рассматривается специфика творчества представителей данного литературного течения и его значимость в условиях современной социокультурной среды.

В пособии выявляется идейно-художественное своеобразие изображения Великой Отечественной войны в «литературе лейтенантов». Исследуются особенности творчества отдельных представителей течения, выявляются типологические признаки «лейтенантской прозы», общность ее проблематики и идейного содержания.

Особое внимание уделяется мироощущению фронтового поколения в послевоенный период, основанному на восприятии мирного настоящего с позиций военного времени. Рассматриваются истоки и проявление аксиологического конфликта поколений и лежащее в его основе понятие гражданственности.

Апробация исследования проводилась на уроках литературы в старших классах средней школы, в курсе «История русской литературы» (АГПУ, АЛУ), на курсах повышения квалификации учителей русского языка и литературы «Этапы развития русской литературы XX века» АФ ГОУ ККИДППО.

Практическая значимость пособия обусловлена возможностью его использования на занятиях в средних общеобразовательных учреждениях, в курсах истории русской литературы XX века, спецкурсах и спецсеминарах о «лейтенантской прозе».

ББК 83.3

Печатается по решению редакционно-издательского совета Армавирского филиала Государственного образовательного учреждения Краснодарского краевого института дополнительного профессионального педагогического образования (протокол №4 от 19.05.2010)

© Чеснокова А. В., 2010.

© Кафедра гуманитарных предметов АФ ГОУ ККИДППО, 2010.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРЫ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ. «ЛЕЙТЕНАНТСКАЯ ПРОЗА» КАК НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ТЕЧЕНИЕ КОНЦА 50-Х – НАЧАЛА 70-Х ГГ.....	6
РОМАН В. НЕКРАСОВА «В ОКОПАХ СТАЛИНГРАДА» И РАССКАЗ М. ШОЛОХОВА «СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА» КАК ПРОВОЗВЕСТНИКИ «ЛИТЕРАТУРЫ ЛЕЙТЕНАНТОВ».....	9
ТЕМА ПЛЕНА В «ЛЕЙТЕНАНТСКОЙ ПРОЗЕ». ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННОГО ВЫБОРА ЧЕЛОВЕКА В ПЛЕНУ В ПОВЕСТЯХ К. ВОРОБЬЁВА «ЭТО МЫ, ГОСПОДИ!..», В. БЫКОВА «СОТНИКОВ» И ДР.....	11
ПРОБЛЕМА КОМАНДИРСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПОВЕСТИ К. ВОРОБЬЁВА «УБИТЫ ПОД МОСКВОЙ»	17
ВОСПРИЯТИЕ МИРНОГО НАСТОЯЩЕГО С ПОЗИЦИЙ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ КАК ОСНОВА МИРООЩУЩЕНИЯ ФРОНТОВОГО ПОКОЛЕНИЯ.....	21
ПОНЯТИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ ПОКОЛЕНИЙ.....	23
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	26
БИБЛИОГРАФИЯ	27

ВВЕДЕНИЕ

Литературное течение, условно называемое «лейтенантской прозой», охватило временной промежуток с конца 1956г. (выход в свет шолоховского рассказа «Судьба человека») до середины 1960-х гг. «Литература лейтенантов» явилась закономерным следствием предшествовавшей военной прозы. О состоянии военной литературы накануне прихода «лейтенантов» В. Астафьев сказал: «Мы как-то умудрились сочинить другую войну. Во всяком случае, к тому, что было долго писано о войне, я как солдат-фронтовик никакого отношения не имел. Я был на совершенно другой войне. А ведь создавались вагоны, эшелоны такой литературы! И создалось 12 томов такой истории» (3, 4). Процесс развития литературы о Великой Отечественной можно охарактеризовать как движение от «романа события» к «роману характеров», «роману судьбы» (этого разделения придерживались Л. Новиченко, М. Кузнецов) или от центральной проблемы «Подвиг и герой» к «Человеку на войне» (А. Бочаров) (13, 234-236). Возникла потребность вернуть в общественное сознание правду о пережитом, что стало возможным – до определенной степени – в связи с произошедшими в стране социально-политическими изменениями (критика культа личности Сталина, прозвучавшая на XX съезде КПСС в феврале 1956г.).

Представителями «лейтенантской прозы» стали младшие офицеры-ветераны: Юрий Бондарев, Георгий Бакланов, Владимир Богомолов, Василь Быков, Константин Воробьев, Анатолий Ананьев, Вячеслав Кондратьев и др.

Первые отзывы критики о произведениях «лейтенантов» продемонстрировали охранительную мощь системы. Г. Бровман, Г. Краснов, М. Синельников, И. Кузьмичев, И. Герасимов и другие упрекали представителей нового течения в безыдейности, бытовщине, односторонности освещения событий.

В конце 70-х–80-х появились статьи, авторы которых пытаются услышать «лейтенантов» без идеологических «помех» (работы И. Золотусского, В. Астафьева, И. Дедкова, Ю. Томашевского, С. Федякина, В. Чалмаева и др.).

Материалом исследования являются повести, рассказы, очерки, интервью, дневники В. Астафьева, М. Алексеева, А. Ананьева, Г. Бакланова, В. Богомолова, Ю. Бондарева, В. Быкова, К. Воробьева, В. Кондратьева, В. Семина, А. Толстого, М. Шолохова, Б. Горбатова и др.

Предметом исследования является решение темы Великой Отечественной войны в «литературе лейтенантов» на примере творчества К. Воробьева.

Целью пособия стало выявление типологических признаков «лейтенантской прозы», сопоставление характерной проблематики, идейного содержания и художественных особенностей произведений данного течения о Великой Отечественной войне.

Из этого вытекают следующие **задачи исследования**:

- выявление общности проблематики и идейного содержания «литературы лейтенантов» о Великой Отечественной войне;
- выделение типологических признаков «лейтенантской прозы»;

- рассмотрение способов художественного воплощения авторского замысла в творчестве ряда писателей-«лейтенантов».

Цель и задачи работы обусловили синкретический характер **метода исследования**, опирающегося на целостно-эстетический, историко-генетический и сравнительно-типологический подходы к изучению художественного произведения.

Теоретико-методологическая база формируется на литературоведческих идеях В. Кожина, А. Бочарова, А. Овчаренко, Л. Тимофеева, С. Тураева, И. Дедкова, В. Чалмаева и др.

Теоретическая значимость исследования базируются на длительной недооценке «литературы лейтенантов» в критике и состоит в осмыслении малоизученных аспектов течения, попытке его обобщения и определения места «лейтенантской прозы» в литературном процессе.

Практическое значение пособия заключается в возможности его использования на занятиях в общеобразовательных учебных заведениях, в курсе лекций «История русской литературы XX века», при формировании тематики спецкурсов и спецсеминаров, посвящённых «лейтенантской прозе».

Апробация исследования проводилась на уроках литературы в старших классах средней школы, в курсе «История русской литературы» (АГПУ, АЛУ), на курсах повышения квалификации учителей русского языка и литературы «Этапы развития русской литературы XX века» АФ ГОУ ККИДППО.

В пособии рассматриваются этапы развития литературы о Великой Отечественной войне и специфика «лейтенантской прозы» как нового литературного течения конца 50-х – начала 70-х гг. Тема Великой Отечественной войны исследуется на материале произведений Ю. Бондарева, К. Воробьева, Г. Бакланова, А. Ананьева, В. Кондратьева, В. Богомолова и др. Часть исследования посвящена теме послевоенной жизни фронтовиков в «лейтенантской прозе». Восприятие мирного настоящего с позиций военного времени оказывается основой мироощущения фронтового поколения и входит в аксиологический конфликт с потребительской философией мирного времени.

«Лейтенантская проза» стала необходимым основанием всего накопленного культурного, нравственного, социального опыта людей, прошедших через Великую Отечественную войну и вынесших из неё уроки таких необходимых для существования человека качеств, как надежда, мужество и гражданственность.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРЫ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ. «ЛЕЙТЕНАНТСКАЯ ПРОЗА» КАК НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ТЕЧЕНИЕ КОНЦА 50-Х – НАЧАЛА 70-Х ГГ.

Литературное течение, условно называемое «второй волной военной прозы», «повторным военным циклом», «лейтенантской прозой», охватило временной промежуток с конца 1956г. (выход в свет шолоховского рассказа «Судьба человека») до середины 1960-х гг. «Литература лейтенантов» явилась закономерным следствием предшествовавшей военной прозы, в которой можно выделить собственно военный этап и послевоенное десятилетие. По определению М. Алексеева, до появления «лейтенантов» в литературе о войне «исторические события толковались, исходя из узко-эгоистических, по большей части карьеристских соображений тех, кто на этот час волею капризного случая оказался на самом верхнем этаже власти. А цензура, вечная и верная их служанка, бдительно следила, чтобы не было ни малейшего отклонения от официальных установок... И натворили столько, что через дикие заросли неслыханных размеров лжи продаться к истине было совершенно невозможно» (1, 2).

Существенное смещение акцентов в конце 50-х-первой половине 60-х гг. определилось в первую очередь поставленными перед искусством слова задачами: если в военные годы требовалось пробудить народ для борьбы, мобилизовать его духовные ресурсы, в 1945-55 гг. – создать «правильную» историю войны, подчиненную идеологическим установкам, то в последующие годы возникает потребность вернуть в общественное сознание правду о пережитом, что стало возможным – до определенной степени – в связи с произошедшими в стране социально-политическими изменениями. Многие тогда искренне поверили, что критика культа личности Сталина, прозвучавшая на XX съезде КПСС в феврале 1956г. и в постановлении ЦК КПСС от 30 июня 1956г. «О преодолении культа личности и его последствий», означает исправление пороков самой системы.

Представителями «лейтенантской прозы» стали младшие офицеры-ветераны: Ю. Бондарев («Батальоны просят огня», 1957; «Последние залпы», 1959; «Горячий снег», 1970), Г. Бакланов («Пядь земли», 1959; «Мертвые сраму не имут», 1961), В. Богомолов («Иван», 1957), В. Быков («Журавлиный крик», 1959; «Фронтальная страница», 1960), К. Воробьев («Крик», 1961; «Убиты под Москвой», 1963), А. Ананьев («Танки идут ромбом», 1963), В. Курочкин («На войне как на войне», 1965) и др.

В целом в творчестве «лейтенантов» можно выделить ряд общих особенностей:

1) неприятие идеологических шаблонов в изображении войны, ее «урпатриотического» понимания. «Невозможно себе представить, чтобы опорные герои этой прозы рассуждали, скажем, о том, что военно-исторический опыт «уточнил и возвысил человеческие мысли о способах ведения войны до под-

линного искусства». Эта проза сохранила толстовский скептицизм насчет такого рода «искусства», – заметил И. Дедков (29, 125). Здесь война – не рациональное явление с предписанным победным финалом и тенденциозной моралью, а хаотичная, лишенная логики ежечасная трагедия. В. Кондратьев признавался: «Чтобы не нарушить правды именно того времени, мне пришлось, и не без труда, отринуть все свои знания, позабыть о них, а знать только то, что знал мой герой в том самом сорок втором году». (41, 574);

2) отказавшись от сложившегося в военной литературе изображения войны в общем, событийном плане, представители «лейтенантской прозы» стремились дать читателям возможность увидеть «частную» войну глазами ее участников: «... война была одна, но воевали на ней миллионы – писал Вячеслав Кондратьев, – и у каждого из этих миллионов была своя, малая, особая война, совершенно непохожая на войну других. Такая же уникальная, как каждая отдельная человеческая судьба»; «А как же война без меня? Вот это и было характерным для нашего поколения», – продолжает писатель. (41, 557). При этом жизненный опыт личности оказывался не изолированным фактом, а необходимой составляющей для целостного восприятия событий;

3) образы показаны в реальной фронтовой обстановке, часто на быденном, бытовом фоне, что особенно раздражало тяготеющую к эффектной героике критику. Так, говоря о воробьевских произведениях о войне, М. Синельников заявлял: «... в них проявился интерес писателя к суровому фронтовому быту... Зрелый вкус и чувство меры необходимы здесь – иначе пристрастие к изображению быта может подчас обернуться бытовщиной... Писатель зафиксировал частную, преходящую, бытовую правду. Но он погрешил против главной правды – правды жизни». (64, 3).

4) ярчайшей чертой этой литературы стали психологизм, пристальное внимание к внутреннему миру персонажей, которые предстают как сложные, противоречивые личности, что не характерно для предшествовавшей «... фальшивой военной прозы, населенной солдатами с горящими глазами, политурами, говорящими правильные речи», – как резко, но не без оснований выразился Е. Добренко. (31, 243). Герои «литературы лейтенантов» нередко только формируются в силу юного возраста, переживают на войне болезненный процесс внутреннего становления. Каждый поступок обосновывается движениями в духовной сфере героя;

5) психологический подход в «лейтенантской прозе» имел место и в отношении образов врагов. В предшествовавшей военной прозе их изображение нередко тяготело к плакатности, выделению ярко отрицательных черт во внутреннем и внешнем облике. В произведениях нового течения стали появляться если и не положительные в полном смысле слова образы фашистов, то, во всяком случае, понятные, с человеческими чувствами и мыслями. Столкнувшись с неожиданным гуманизмом врага, лейтенант Мостовой, персонаж баклановской повести «Мертвые сраму не имут», размышляет: «Ну, в мировом масштабе дело ясное, кто тут прав, кто виноват, кому чего. А один человек, хоть этот немец, который нас отпустил? Как думаешь, смогут после войны с каждым разобраться? С

каждым! Или он за эти годы такого наворотил на нашей земле, что про то забывать надо?» (8, 170). Тем не менее, посеянные поступком немца семена сочувствия дали всходы: позже Мостовой не выстрелил в похожего на помиловавшего его противника. Кондратьевский Сашка из одноименной повести, представлявший врага «старым, с лицом желтым и злым, как у трупов, а из-под нахлобученной каски выпучен белесый, прижатый к окуляру глаз, нацеленный на Сашку», поражен обликом пленного им фашистского солдата: «Был он вроде бы Сашкин одногодок, лет двадцати-двадцати двух, курносый и веснушчатый, на вид прямо русский. Напомнил он Сашке лицом одного его дружка деревенского...» (41; 206, 179). Проблема нравственной правомерности отношения к врагу «почеловечески» является центральной в рассказе В. Кондратьева «Овсянниковский овраг», ей же посвящен рассказ К. Воробьева «Немец в валенках»;

б) существенно изменилось понимание героического: для «лейтенантов» это – постоянная изнуряющая борьба человека с обстоятельствами и собственными страхом и слабостью, т.е. «длительный подвиг» (Бочаров А. Г. (13, 313)), нравственное величие которого ранее часто принижалось на фоне более впечатляющего героизма в чрезмерных условиях. Так, познавший все тяготы фронта Сашка В. Кондратьева «не обезверел и делал свое солдатское дело как умел, хотя особых геройств вроде не совершал. И совсем не думал, что одно нахождение тут, в холоде и голоде, без укрытия и окопов, под каждочасным обстрелом, является уже подвигом». (41, 212);

7) как правило, военная проза предшествовавших лет уделяла значительное внимание рассмотрению таких «главенствующих» слагаемых Победы, как деятельность партии и Сталина: «... истинной вершиной в пирамиде утверждаемых ценностей была, конечно, обожествленная, исключительная личность... был целый ритуал «явления вождя народу», «допускавший разные варианты». (31, 245). «Литература лейтенантов» либо отводит партии и ее лидеру весьма скромное место, либо разоблачает их ошибочную, а порой и преступную военную политику, что было наказуемо даже во времена «оттепели». Показателен отрывок из письма В. Некрасова директору гослитиздата Г. Н. Владыкину от 08.01.62: «... требуют изъятия из печати «В окопах Сталинграда» всех мест, где упоминается имя Сталина... 15 лет тому назад в «Советском писателе» от меня требовали, чтобы я вставил в печать специальную главу, посвященную Сталину. Я тогда отказался это сделать. Теперь от меня требуют обратного, но и на это я тоже пойти не могу. Не хочу грешить против правды...» (65, 224);

8) наконец, как уже отмечалось, чаще и иначе рассматривается долгое время игнорируемая или однозначно трактуемая тема плена. До появления шолоховской «Судьбы человека» в литературе допускается единственный, не «опускавшийся» до рассмотрения частных ситуаций подход: пленный – предатель и враг. С середины 50-х годов эта тема стала освещаться во всей своей многоаспектности, с вниманием к конкретным судьбам и положениям.

РОМАН В. НЕКРАСОВА «В ОКОПАХ СТАЛИНГРАДА» И РАССКАЗ М. ШОЛОХОВА «СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА» КАК ПРОВОЗВЕСТНИКИ «ЛИТЕРАТУРЫ ЛЕЙТЕНАНТОВ»

Провозвестниками нового течения в литературе о войне стали роман В. Некрасова «В окопах Сталинграда» (1946г.) и рассказ М. Шолохова «Судьба человека» (1956-1957), в основу которых легла внутренняя жизнь человека на его «частной» войне. В центре оказалась не историческая личность, а обыкновенный солдат или офицер, без кровавого труда которого победа была бы невозможна. По словам одного из персонажей повести Г. Бакланова «Пядь земли», «не всем на войне достается флаги вооружать. Больше воюют безвестно. Хотя у них имена есть, и люди они не хуже, и смелости у них не меньше. Мы тут тоже сидим вроде бы на задворках войны... А попробуй без такого плацдарма с ходу форсировать Днепр...» (9, 98).

А. Бочаров так определил новаторство произведения В. Некрасова: «...среди книг военной прозы 1946 г. **«В окопах Сталинграда»** – реально о реальном... «Молодая гвардия» – возвышенно о реальном... «Повесть о настоящем человеке» – реально о возвышенном (13, 307). Некрасовское произведение обладало многими существенными признаками зарождавшейся «литературы лейтенантов»: автобиографичностью сюжета, психологизмом в создании образов, изображением бытовой стороны военной действительности, критичностью по отношению к просчетам высшего командования. Удостоенная Сталинской премии в 1947г., уже через год книга подверглась нападкам критики за «окопность», а после того, как в 1963г. творчество В. Некрасова было резко раскритиковано Н. С. Хрущевым на встрече с интеллигенцией и на пленуме ЦК КПСС, писатель значительное время был лишен возможности публиковаться.

В прозе В. Некрасова явно прослеживаются традиции «Севастопольских рассказов» А. Толстого: «Вы увидите войну не в правильном, красивом и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, а войну в настоящем её выражении – в крови, в страданиях, в смерти». В. Некрасов тоже показывает неизбежную на войне смерть страшной в своей простоте и обыденности, а не героической или романтической.

В. Некрасов и его герой Юрий Керженцев очень близки. Это представители одного поколения молодых интеллигентов. Писатель утвердил значение интеллигента в обществе как носителя духовной ценности в условиях, мало тому способствующих. При этом автор показывает, что героизм Юрия определяется не особыми бойцовскими качествами, а твердым сознанием, что прошлую мирную жизнь нужно защищать.

Еще более заметным событием в литературной жизни страны стал выход в свет рассказа М. А. Шолохова «**Судьба человека**», напечатанного в «Правде» 31.12.56 и 1.01.57. По мнению А. В. Калинина, «... от «Судьбы человека» начнется отсчет того наилучшего, из чего будет слагаться художественная летопись Великой Отечественной войны». (37, 137). Л. Новиченко в 1961г. отметил: «Судьба человека» – это название шолоховского рассказа стало удивительно знаменательным и «типическим» для нынешней нашей литературы: в нем, по

существу, можно прочесть формулу настоящего сюжета... в котором дела и свершения героев есть ключ и средство раскрытия судеб человеческих как главного предмета художника» (49, 153). Произведение вызвало многочисленные, в основной массе благожелательные отзывы критики, высоко оценившей новаторские для военной прозы особенности рассказа. А. Г. Бочаров отметил тяготение Шолохова к «направлению психологического драматизма, углубленному познанию трагической героики, открытому и прямому осуждению войны». (13, 312).

Образ Андрея Соколова был воспринят неоднозначно. Герой М. Шолохова не был абсолютно «положительным», но автор доверил ему функцию повествователя. Восхищение вызвала альтруистическая направленность «Судьбы человека»: на долю солдата выпали тяжелейшие испытания – плен, гибель родных, – но он не замкнулся в личном горе, обрел жизненный смысл в спасении ребенка. Однако вопрос о степени «идейности» центрального образа вызвал разногласия. Так, М.Юркович увидел в персонаже порождение строя: Шолохов «...показывает в образе Андрея Соколова живого нового человека, возвращенного социализмом, а вовсе не индивидуума, оторванного от времени, или пресловутого «чистого» человека...» (63, 175). А. Бочаров, напротив, подчеркнул национальные истоки образа: «... при всем том, что в характере Соколова органично проявляются качества, воспитанные советским строем, его нравственным кодексом... нажим в словах автора и героя на качества русского национального характера нельзя оставить без внимания...» (13, 314).

Самым смелым моментом рассказа стало решение темы плена. Вернувшийся из фашистских лагерей Соколов – не изменник и не трус, как до этого утверждалось в военной литературе вслед за известными сталинскими установками. Рассказ Шолохова нравственно реабилитирует прошедших через плен и посвящает читателя в детали мучительного лагерного существования: «А били богом проклятые гады и паразиты так, как у нас сроду животину не бьют. И кулаками били, и ногами топтали, и резиновыми палками били, и всяческим железом, какое под руку попадет, не говоря уже про винтовочные приклады и прочее дерево.

Били за то, что ты – русский, за то, что на белый свет еще смотришь... Били запросто, для того чтобы когда-нибудь да убить до смерти, чтобы захлебнулся своей последней кровью и подох от побоев. Печей-то, наверно, на всех нас не хватало в Германии». (61, 451).

В тексте есть упоминания о первоначальных поражениях Красной Армии и культе личности: «Ну, про войну тебе нечего рассказывать, сам видал и знаешь, как оно было поначалу... Бывало, напишешь, что мол, все в порядке, помаленьку воюем, и хотя сейчас отступаем, но скоро соберемся с силами и тогда дадим фрицам прикурить. А что еще можно было писать? Тошное время было, не до писаний было» (61, 447).

Однако не все разделяли укоренившееся в критике мнение об объективности Шолохова при изображении участи военнопленных. О.Волков в письме, направленном писателю 27 февраля 1957г., обвиняет автора «Судьбы человека» в сознательном искажении истины: Шолохов ничего не сказал о бесчеловечном отношении государства к своим пленным ни в период их заключения, ни после:

«... разве таким апофеозом объятий, поздравлений и обещанием наград завершалась судьба возвратившихся пленных? Не начинался ли именно с этого момента для многих второй и морально *горчайший* (во-первых – «от своих», а потом – в момент наивысшего упоения радостью... акт драмы с фильтрационными пунктами, лагерями и тяжкими лагерными приговорами?... ничего принципиально нового Вы к эпосе пленного не прибавили. От Вас, Михаил Александрович, я был вправе ждать большего». (22, 158-159).

Всё же значение «Судьбы человека» для литературы тех лет трудно переоценить, и некоторую тенденциозность шолоховского рассказа можно понять как единственный путь к его публикации. Книга открыла собой новую страницу в книге о Великой Отечественной войне.

ТЕМА ПЛЕНА В «ЛЕЙТЕНАНТСКОЙ ПРОЗЕ». ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННОГО ВЫБОРА ЧЕЛОВЕКА В ПЛЕНУ В ПОВЕСТЯХ К. ВОРОБЬЁВА «ЭТО МЫ, ГОСПОДИ!..», В. БЫКОВА «СОТНИКОВ» И ДР.

В конце 1950-х – начале 60-х гг. вслед за Шолоховым к теме плена обратились такие авторы, как А. Калинин («Суровое поле», 1958), М. Пархомов («Мы расстреляны в сорок втором», 1958), В. Быков («Поединок», 1959), З.Толкачев («Слово после казни», 1960), А. Мельник («Мы не пропали без вести», 1960), Ю. Збанацкий («Единственная», 1961), М. Бирзе («Она хотела выглядеть красивой», 1961), А. Васильев («Дорога на родину», 1961), Ст. Злобин («Пропавшие без вести», 1962), В. Семин («Ласточка-звездочка», 1963), Ю. Пилляр («Люди остаются людьми», 1963) и др.

Из строгой хронологии литературоведов несколько выбивается повесть К.Воробьева «Мы из Советской России» («Это мы, Господи!..»). В 1948г., после отказа редакции «Нового мира» ее напечатать, автор послал рукопись М. Шолохову (непосредственное знакомство писателей состоялось лишь в 1954г.) В ответе звучало как одобрение, так и критика композиционных просчетов и натурализма. М. Ивлева приводит текст найденной в архивах К. Воробьева шолоховской телеграммы, свидетельствующей о внимательном отношении отправителя к повести: «А «Дорогу» и не думайте уничтожать! Путнику всякая дорога сгодится, и – чем черт не шутит, когда солдат спит – быть может, сгодится и Вам со временем уже пройденная дорога. Всякое бывает» (36, 1).

Общей особенностью последовавших книг писателей фронтового поколения можно назвать их «мемуарность». Излюбленный жанр этих авторов – лирическая повесть, написанная от первого лица. Эта проза не всегда буквально автобиографична, но насквозь пропитана авторскими воспоминаниями о фронтовой юности. У каждого фронтовика была своя война, и всё-таки многое в пережитом в те годы было достоянием многих тысяч.

Все возрастающий интерес вызывают сейчас творческое наследие и судьба К. Воробьева (1919 – 1974). Весомым вкладом в признание писательских заслуг стало присуждение К. Воробьеву в 2001г., спустя четверть века после смерти автора, литературной премии А.И.Солженицына. Писатель одним из

первых осветил в своем творчестве такие запретные в ту эпоху темы, как деморализованность армии в первые годы войны, преступную неготовность руководства страны к нападению, традиционное для него отношение к своим защитникам как к «пушечному мясу», отречение государства от попавших в плен воинов, правду о лагерном существовании, что в совокупности и послужило причиной неудач первого этапа войны.

Повести К.Воробьева «Крик», «Это мы, Господи!..», «Убиты под Москвой» и рассказы о плене являются лучшими образцами «литературы лейтенантов». Сущность этих произведений можно понять при рассмотрении их идейно-художественных особенностей, важнейшей из которых видится неприятие тенденциозного морализаторства в изображении войны, ее «урапатриотического» восприятия.

Лейтенанты Воронов («Крик»), Костров («Это мы, Господи!..»), Ястребов («Убиты под Москвой») предстают как противоречивые, развивающиеся личности. Не позволяя страху за собственную жизнь стать главным поведенческим фактором, центральные фигуры воробьевских произведений находят в себе силы сохранить столь необходимое в условиях фронта и плена соборное начало и обусловленные им цели борьбы и сохранения своего человеческого достоинства. Раскрытие характеров Сергея Воронова, Сергея Кострова, Алексея Ястребова, капитана Рюмина и других осуществляется через поступок, то есть осуществление ими нравственного выбора между эгоизмом, почвой для предательства, и чувством личной ответственности, «соборности» – основой подлинной гражданственности.

Первое произведение К. Воробьева о плене (**«Это мы, Господи!..», 1943**) представляет интерес и как изображение судьбы писателя, и как художественное свидетельство участи сотен тысяч, прошедших через подобные страдания. Даже самые ранние романтические рассказы **«Дорога в отчий дом»** и **«Седой тополь»**, небесспорные по своим художественным достоинствам, имеют большую значимость как одни из самых первых и в то же время самых честных повествований о плене. Что же касается реалистических рассказов **«Немец в валенках»** и **«Уха без соли»**, то их отличают и идейная насыщенность, и совершенное творческое воплощение. Одним из первых произведений К. Воробьева стала повесть **«Крик»**, написанная и впервые опубликованная в 1961г. Боевой путь ее главного героя Сергея Воронова производит особенно трагичное впечатление на фоне первой половины произведения, где доминирует сюжетная линия взаимоотношений между главным героем и Маринкой Вороновой. Первая любовь захватила обоих врасплох, но это «хорошее и праздничное чувство» было омрачено осознанием его несвоевременности.

Обращает на себя внимание некоторое сходство этой сюжетной линии произведения с повестью **В. Богомолова «Зося» (1963)** о влюбленности молодого бойца Красной Армии в семнадцатилетнюю польку Зосю. Однако при многих аналогиях повести написаны с разных углов зрения: воробьевская – реалистичное полотно о войне, на которой вопреки всему зародилась любовь; произведение В. Богомолова запечатлело романтические отношения на едва очерченном фоне войны. История любви Воронова особенно впечатляет цело-

мудренностью содержания и формы изложения, что отличает стиль К. Воробьева от многих произведений «литературы лейтенантов», развивающих тему интимных отношений между мужчиной и женщиной. Довольно откровенное изображение любовных сцен встречается, например, в астафьевской пасторали «Пастух и пастушка», в романе Ю. Бондарева «Берег» и др.

Повесть стала «криком» писателя о войне, о пережитом. Не случайно в ней появляется общий для многих произведений о войне образ *раненой лошади*. «Кричащее», в муках погибающее животное – символический образ, неоднократно возникающий на страницах произведения. «Удивительно, какая осмысленная, почти человечья мука может слышаться в лошадином ржании!» – говорится о раненной во время первой бомбежки лошади. Чуть позже Воронов увидел, как кавалерист, «похожий на Григория Мелехова, остервенело пинал сапогами в разорванный сизый пах коня... Конь перебирал, будто плыл, задранными вверх ногами, тихонько ржал, изгибая длинную мокрую шею, заглядывал на свой живот, и глаза у коня были величиной в кулак, чернильно-синие, молящие». (23, 105). Затем – плохая примета – мертвая лошадь оказывается в сенях Маринкиной хаты; и в конце повести попавший в лагерь лейтенант видит живьем раздираемую голодными пленными трехногую белую лошадь и получает от Васюкова ее легкое. Настойчивое повторение образа убеждает в его символичности. А. Кедровский усматривает в этом мысль «о совершающемся преступлении не только человека перед человеком, но и самой природой». (38, 21). Этот образ-символ несет в себе также идею о безвинно загубленных жизнях тех, кто создан для спокойного, мирного труда, кто не понимает бессмысленной жестокости войны, но верно, до конца, следует своему долгу.

Близкие по значению образы изувеченной лошади возникают в «Горячем снеге» Ю. Бондарева, «Июле 41 года» Г. Бакланова, повести В. Астафьева «Пастух и пастушка» и его же рассказе «Старая лошадь». В последнем о третий день стоящем на нейтральной полосе животном говорится: «И так вот неммым укором стояла она между двумя враждебными мирами, в самом центре войны. Она была рождена работать, и она работала всю жизнь на людей. А они выстрелили в нее из того оружия, которое придумали для себя...» (4, 302).

В течение десятилетий считалась уничтоженной либо потерянной рукопись повести К. Воробьева «Это мы, Господи!». В 1986г. произведение было напечатано в журнале «Наш современник». Повесть отличается большей убедительностью, шокирующей откровенностью содержания и, что особенно важно, выявлением типичности участи Кострова. Как справедливо заметил И. Золотусский, «проза К. Воробьева точна и жестка в подробностях. Но она столь же жестка и в целом. Она ничего не хочет утаить, упустить, урезать ради общего монтажа. Для неё такой монтаж – отступничество, предательство» (34, 22).

Отсутствие сцен бравого героизма в плену, описание случаев предательства и подлости, трагическая тональность повествования и его обобщающий смысл выделяют повесть К. Воробьева не только из всей литературы о плене, но и из таких произведений в русле «лейтенантской прозы». Рождённое в разгар войны (1943г.), оно и сейчас сохраняет актуальность и пронзительность, является образным воплощением трагических исторических фактов. В *справке*

Управления по делам военнопленных Верховного главкомандования вермахта, составленной на 1 мая 1944-го года, приводятся следующие данные о численности советских узников лагерей (46, 93):

<i>Взято советских военнопленных с начала войны</i>	–	5 231 057
<i>Освобождено</i>	–	816 230
<i>Бежало</i>	–	?
<i>Умерло, расстреляно и прочие потери</i>	–	3 226 237
<i>Осталось в живых</i>	–	1 054 820
<i>Из них направлено на работы</i>	–	875 579

По другим сведениям, всего за Великую Отечественную войну в фашистских лагерях побывало 5,7 млн. наших военнопленных. (См. Аргументы и факты. – 2001. № 25. С. 14).

На страницах «Это мы, Господи!..» дано и коллективное, и индивидуальное изображение этих безликих «статистических единиц». Коллективный образ заключённых создаёт обманчивое впечатление, что это масса обессиленных и морально уничтоженных людей, но при ближайшем знакомстве становится ясно, что духовная деградация здесь – явление не закономерное, что и за колючей проволокой советские воины сохраняли патриотизм и волю к борьбе. Таковы главный герой Сергей Костров, ярославский мужик Никифорыч, отечески подержавший лейтенанта в первые, самые тяжёлые, дни неволи и даже в смерти сохранивший бойцовские качества (борода «упрямо торчала вверх»), тяжелобольной Коля из Аксёновки, «обладатель синего прозрачного личика с заострившимся носиком», погибший в схватке с полицаем, отбирившим вещмешок Кострова, доктор Лучин, создавший в ржевском лагере подпольную организацию, и многие другие. Именно они составляли цельный образ заключённых красноармейцев, не смирившихся со своей долей и готовых любым способом противостоять врагу. Эти их качества находят и документальное подтверждение. Так, гитлеровская «Памятка по охране советских военнопленных», существовавшая уже с сентября 1941-го года, гласила: «Советский солдат, даже попавший в плен, как бы безобидно он внешне не выглядел, будет пользоваться любой возможностью, чтобы выместить свою ненависть ко всему немецкому. По отношению к ним нужно проявлять крайнюю бдительность, величайшую осторожность и острейшее недоверие...» (46, 92). Показательны и данные Б.Горбатова, в очерке о польском концлагере на Майданеке утверждавшего, что все известные там случаи побегов были совершены русскими.

Однако писатель не стал замалчивать и случаи предательства, трусости, беспощадного эгоизма. Бесспорный образец отступничества в «Это мы, Господи!..» – пленный, переводивший фашистские угрозы и вызывающий у лейтенанта однозначные чувства: «Под локтем у переводчика торчала буханка хлеба. Говоря, он не переставал гладить её рукой, и Сергей был уверен, что многое он ещё хотел бы прибавить от себя, желая заработать вторую буханку...» (23, 240). Чаще носители этих качеств изображены автором в паре с противоположным характером. Примером могут служить две сходные сцены казни пленных красноармейцев. В смоленском лагере «...немцы ладили верёвку, встав на аккуратно сколоченные козлы.

– Дорогие, век не забуду... не надо! – заколотил себя кулаками в грудь «скворец». – Не буду... с голоду это я... Родимые, ненаглядные мои, – бредил он, упав на колени.

– Подымись, дура еловая! – спокойным басом загорланил его односельник. – Разя это люди? Это жа анчихристы! Увстань жа, ну!..

И, неторопливо взяв за плечо коленопреклонённого, он легко поставил его на ноги ... сам надел себе верёвочный калачик на длинную грязную шею...» (23, 228).

Сходная коллизия стала сюжетной основой повести **В. Быкова (1924 – 2003) «Сотников»**. В произведении упоминается факт пленения Сотникова в начале войны после героического боя с немецкими танками. Из неволи боец вынес следующее убеждение: «Он не мог сочувствовать человеку, который согласился на службу у немцев и так или иначе исполнял эту службу. То, что у него находились какие-то к тому оправдания, мало трогало Сотникова, уже знавшего цену такого рода оправданиям. В жестокой борьбе с фашизмом нельзя было принимать во внимание никакие, даже самые уважительные, причины – победить можно было лишь вопреки всем причинам». (17, 134-135). И. Холодяков, рассматривая произведение в контексте русской классической литературы, считает главным в повести «не воинский подвиг, не одоление врага, а подвиг духовный, нравственный». Он воспринимает повесть «Сотников» как «продолжение великих и вечных трагедий русской классической литературы, несущей свет евангельской истины». (57, 17).

Взгляды Сотникова к описываемому моменту оказались сформированными, чего нельзя сказать о претерпевавшем внутренний кризис Рыбаке. Его согласие сотрудничать с полицией – следствие не только страха перед смертью, но и определенного отношения к методам борьбы с врагом: «Но ведь кому не известно, что в игре, которая называется жизнью, чаще с выигрышем оказывается тот, кто больше хитрит ... фашизм – машина, подмявшая под свои колеса полмира, разве можно, стоя перед ней, размахивать голыми руками? Может, куда разумнее будет подобраться со стороны и сунуть ей меж колес какую-нибудь рогатину. Пусть напорется и забуксует». (17, 204).

Очевидно, В. Быкову оказалась близка тревожившая и К. Воробьева проблема: допустимы ли игра на два фронта, внешнее соглашательство с немцами ради возможности противодействия врагу, где проходит грань между временной и оправданной уступкой обстоятельствам и трусливой, предательской деградацией. Вопрос не получает однозначного ответа ни в произведении В. Быкова, ни в творчестве К. Воробьева: последний не стал продолжать повесть «Крик», в черновиках которой есть указания на то, что по писательскому замыслу, главный герой стал сотрудничать с эсэсовцами, тайно нанося им серьезный вред.

Образы предателей в творчестве «лейтенантов» объединены эгоистической психологией персонажей. Бежавший с поля боя, бросивший раненого товарища капитан Ищенко из повести **Г. Бакланова «Мертвые сраму не имут»** объясняет свое поведение так: «Он никого не думал подводить, он только не хотел отвечать за всех» (8, 217). Люди, позволившие страху за собственную жизнь стать определяющим их поступки чувством, утрачивают столь необхо-

димое в условиях фронта и плена соборное начало, а вместе с ним – цель борьбы и сохранения своего человеческого достоинства. В первые же дни неволи разведчик Борька, главный герой повести **Вяч. Кондратьева «Борькины пути-дороги»**, ощущает, что «...вошло в их жизнь что-то непонятное и противостественное – недоверие. Вошло как-то исподволь, незаметно, словно какой-то заразой разлилось в воздухе...» (41, 488). Четкую взаимосвязь эгоизма, страха и способности изменить обнаружил и оказавшийся в немецком лагере подросток Сергей из автобиографического романа **В.Семина «Нагрудный знак «ОСТ»**: «... робость мне казалась не природным свойством, а болезнью, ленью, эгоизмом души. И страх – свой или чужой – потому и был отвратителен, что был следствием эгоизма». (47, 87). Столкнувшись в лагере с психологией предательского невмешательства в судьбу товарища, комиссар Бровальский из **повести Г. Бакланова «Июль 41 года»** думает: «Мысленно они [большинство пленных] уже отдали этого красноармейца и отделились, боясь только, как бы все связанное с ним не перенеслось на них. И вот это было самое страшное: разделение, начавшееся в людях, производимое одним из колес работавшей машины» (8, 169). Об этом же говорит прошедший через плен рядовой Лукьянов из быковской **«Третьей ракеты»**: « – Трусость и корысть не могут не погубить ... Не победив в себе раба и труса, не победишь врага. Да-да. Это вопрос жизни и вопрос истории!» (17, 43).

Сергей Костров из повести **К.Воробьева «Это мы, Господи!..»**, в первые дни заключения поймавший себя на незнакомом чувстве страха за свою жизнь, мучительно ищет ответ на вопрос, было ли это проявлением трусости: «Пленный... когда желанным исходом всего, казалось бы, должна явиться смерть... Не всё ли равно, какая смерть, каким руслом она вольётся в душу, мозг, сердце...». (23, 203). Возникающую в самые невыносимые моменты мысль о самоубийстве Сергей преодолевает жизнелюбием и жаждой борьбы.

Отношение пленных к возможности самоубийства оказываются важным аспектом, определяющим идейный смысл многих других произведений о фашистской неволе, однако понимание этой проблемы неоднозначно.

Существовавшие в тоталитарной армии идеологические установки прочно внедрялись в массовое сознание бойцов. Типичными для человека, чьи мысли о плене лежат пока в области теории, можно назвать рассуждения Сашки из одноименной повести **Вяч. Кондратьева**: «Что касается самого Сашки, то он плена не представлял. Лучше руки на себя наложить». Однако бездумная категоричность первой реакции сменяется оставшимся без ответа вопросом: «Но можно и не успеть. А если раненый да без сознания?» (41, 186).

О распространённости среди военнопленных раздумий о самовольном уходе из жизни свидетельствуют строки из очерка **Б. Горбатова «Лагерь на Майданеке»** (1944): «Мы нашли на стене барака две карандашные надписи. Первая: «Ваня Иванов дурак в том, что не может себе ничего сделать» и вторая – словно отвечая на первую: «Умри так, чтобы от смерти твоей была польза». (27, 272).

Осознание своей полезности для родины поддерживает дух жизни и борьбы в военнопленных из романа **В. Семина «Нагрудный знак «ОСТ»**. «Они не стыдились того, что попали в плен, – исступленно жалели, что когда-то вы-

пустили из рук оружие. На фронте они дрались не хуже других и попали в плен как обычные люди, которые, сделав все, что в их силах, остановились перед неизбежной и, главное, по-видимому, бессмысленной потерей жизни. Но в том-то и дело, что все потом было страшнее смерти. И не жизни им было жалко – ее и так не было. Жалко им было знаний ... Они и бежали потому, что хотели сохранить это знание и принести его на фронт». (47, 24). Для подобных персонажей жизнь оказывается ценна не только как возможность личного существования, но и как средство для исполнения своего воинского и гражданского долга – своеобразного «категорического императива» верных защитников Отечества.

Костров, отказываясь от ампутации отнявшейся после тифа ноги, заявляет доктору Лучину: « – Я ещё буду драться!» Самоубийство он категорически не приемлет: «Да, в смерти можно было найти забвение, но добровольно погибнуть в беде и несчастье – не подвиг. Это теория и удел трусливого раба. Вернуть себе жизнь и свободу и помочь в этом другому – вот задача сильных и смелых на земле!» – эту почти горьковскую идею из архивов К. Воробьева можно назвать жизненным принципом Кострова (25, 249). Это неприятие, продиктованное патриотическими чувствами Сергея, имеет и иную мощную основу: согласно православной морали, самовольный уход из жизни является смертным грехом. Заявленная К. Воробьевым в «Это мы, Господи!...» проблема самоубийства найдет свое развитие в образе капитана Рюмина из повести «Убиты под Москвой».

В какой-то степени продолжением темы в творчестве К. Воробьева можно считать произведения, повествующие о партизанской войне удачно бежавших из лагерей и вышедших из окружения красноармейцев («Дорога в отчий дом», главы из «Почём в Ракитном радости» и «...И всему роду твоему»).

ПРОБЛЕМА КОМАНДИРСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПОВЕСТИ К. ВОРОБЬЁВА «УБИТЫ ПОД МОСКВОЙ»

Отчаянное положение советских войск в первые месяцы войны наиболее полно отражено в воробьевской повести «Убиты под Москвой» (опубликована в 1963г. в «Новом мире»). Сейчас произведение включено в школьную программу, а его начальные строки звучат как первые аккорды надвигающейся трагедии: «Учебная рота кремлевских курсантов шла на фронт». Безупречный капитан Рюмин, кумир всего училища, командует ротой легко и красиво. Курсанты не особенно задумываются о своей роли на войне, привычно перекладывая всю ответственность на командира. Никто из них не знал и не мог знать того, что в самом начале войны фашисты «создали почти двойное превосходство в людях (5,5 млн. против 2,68 млн.) и значительное в артиллерии и минометах (47,2 тыс. против 37,5 тыс.) ... только 18,2 процента танков и 21,3 процента самолетов были новых конструкций, а остальные – устаревших типов с ограниченными боевыми возможностями». (20, 75). Не подозревали курсанты и о том, что при обороне Москвы «советские войска уступали гитлеровцам в людях в 1,4 раза, артиллерии – 1,8, танках – 1,7, самолетах – в 2 раза». (20, 123).

Зловещее значение появившегося на их пути «спецотряда войск НКВД», похоже, не сразу осознал даже Рюмин. О назначении этих подразделений пре-

дельно ясно говорится в сталинском приказе, отданном 12 сентября 1941 года, незадолго до описанных событий: «1. В каждой стрелковой дивизии иметь заградительный отряд из надежных бойцов, численностью не более батальона. 2. Задачами заградительного отряда считать прямую помощь комсоставу в установлении твердой дисциплины в дивизии, приостановку бегства одержимых паникой военнослужащих, не останавливаясь перед применением оружия...» (46, 88).

Об этом явлении минувшей войны в литературе чаще всего либо не упоминается вовсе, либо говорится с предельной осторожностью. Так, в баклановской «**Пяди земли**» убежденный, что отступал по приказу и погибший от пуль заградотряда Генералов удостоивается следующей оценки повествователя лейтенанта Мотовилова: «Он не был трусом, он им стал. Он слишком долго просидел за Днепром, оттуда наблюдал войну, а издали она всегда страшней. И вот позорно погиб». (9, 59).

И Ястребову, и Рюмину пришлось осознать горькую истину о том, что цена офицерских промахов – жизни их подчиненных. Первым желанием лейтенанта, узнавшего о гибели шестерых бойцов из его взвода, было избежать выполнения своего долга, но «... он поглядел на курсантов и понял, что должен идти туда и все видеть. Все видеть, что уже есть и что еще будет».

Проблема командирской ответственности в годы войны была близка большинству будущих представителей «лейтенантской прозы» и позже заняла значительное место в их творчестве. В.Быков признавался: «...ни изучение документальных материалов, ни свидетельские показания не могут возместить того, что не испытано и не пережито. Для того чтобы описать чувства человека в бою, в атаке, надобно самому их изведать. При этом участие в бою рядовым неравнозначно участию в нем в качестве командира, на плечах которого огромной тяжестью лежит личная ответственность за такое трудно совместимое, как сохранение жизней подчиненных и выполнение боевой задачи». (2, 192). Через это испытание писатель проводит, в частности, главного героя повести «**Его батальон**» капитана Волошина: «Шла война, гибли сотни тысяч людей, человеческая жизнь, казалось, теряла обычную свою цену и определялась лишь мерой нанесенного ею ущерба врагу. И тем не менее, будучи сам солдатом и ежедневно рискуя, Волошин не мог не чувствовать, что самое ценное на войне – жизнь человека. И чем значительнее в человеке истинно человеческое, тем важнее для для него своя собственная жизнь и жизни окружающих его людей. Но как бы ни была дорога жизнь, есть вещи выше ее, даже не вещи, а понятия, переступив через которые жизнь разом теряла цену, становилась предметом презрения для ближних и, может быть, обузой для себя самого» (17, 62).

Осознание влияния своих решений на судьбы подчиненных нелегким грузом лежит на душе лейтенанта Володьки из кондратьевской повести «**Сашка**», признававшегося: «... – Вы рядовые, вам что, вы никого на смерть не гнали... Ничего не спишется... Всю жизнь помнить буду, как глядели на меня ребята, когда я им приказ на наступление выкладывал... Всю жизнь...» (41, 256). Сержант Алексей Коншин из повести того же автора «**Селижаровский тракт**» попадает в сходную ситуацию. Приняв на себя командование взводом, затем ротой, он переживает сложные чувства: желание уберечь своих бойцов от смерти, страх и

непонимание бессмысленно-жестоких приказов наступать без соответствующего обеспечения и подготовки, обрекающих солдат на бесславную гибель.

Груз командирской вины оказался непомерным для центральной фигуры повести **В. Астафьева «Пастух и пастушка»** лейтенанта Бориса Костяева: после новых человеческих потерь в своем взводе «нести свою душу Борису сделалось еще тяжелее». (4, 121). Неожиданное «усупение» лейтенанта – следствие не легкого ранения, а утраты «жажды жизни», доверия к ней.

Борьба между желанием уберечь кремлевцев и подчинением воинскому уставу происходит и в душе Рюмина. Понимая, что силы неравны, он все же не рискнул выполнить устный приказ командира полка об отступлении, и рота оказалась в окружении. Поступок, правильный с точки зрения армейских законов, стал нравственной казнью капитана. Сославшись на несуществующее распоряжение командования, он ведет роту на запад, где ее ожидала доблестная гибель в бою, страшнее которой был путь на восток, к бесславной панике из-за появления врага «с тыла» или ломающей все представления об Отечестве встрече с заградотрядом.

Картина последовавшей атаки захваченного немцами села (глава 7) признана шедевром отечественной классики. В. Чалмаев пишет: «Картина этого ночного боя ... безусловно одна из лучших во всей русской прозе.» (59, 65). С ним солидарен С. Федякин: «Ночной бой в повести «Убиты под Москвой» – из самых страшных и самых замечательных страниц русской прозы XX в. ... этот ужас, граничащий с бредом наяву, Воробьев воссоздал с той отчетливостью, на которую способен лишь редкий художник». (54, 7). Это не классический бой, а столкновение двух враждующих стихий, где курсанты превращаются в тени, мечущиеся в зареве пожара «смешными прыжками», когда «все вокруг грохотало и обваливалось».

Важность первого боя для становления воинского духа подчеркивали многие писатели-«лейтенанты». «В первом бою человек борется не столько с противником, как с самим собой», – отмечает Г. Бакланов, повествуя о первом сражении лейтенанта Назарова. («Южнее главного удара»). (8, 372). М. Алексеев в повести «Мой Сталинград» признается: первая победа роты «была до крайности и нужна, и важна нам». (1, 6).

Сцена первого боя в повести Г. **Бакланова «Южнее главного удара»** отличается от картины в «Убитых под Москвой» тяготением к традиционной героике при передаче психического состояния персонажа. Лейтенант Назаров удивительно быстро преодолевает страх и растерянность. Им овладевает «радость, более сильная, чем страх ... Он не стыдился уже ни своей молодости, ни своего звонкого голоса. Его азарт передавался бойцам, и на огневой все время держалось веселое настроение». (8, 371).

Как и Алексей Ястребов, потрясен расхождением между реальным и воображаемым фронтом и своей ролью «молодой, энергичный командир» – лейтенант Борис Костяев из астафьевской повести **«Пастух и пастушка»**. «Дрожало все в нем от нетерпеливой жажды схватки ... И не успели еще разорваться последние заряды нашего артылета, еще и ракеты, свистнувшие над окопами и каплями опадающие вниз, не погасли, как выскочил Борис из траншеи и громо-

гласно, как ему показалось, на самом деле сорванно и визгливо закричал: «За мно-о-ой! Ур-ра!» – грозя наганом, хватил вперед и отчего-то не услышал за собой грозного топота и героических возгласов. Оглянулся: солдаты шли в атаку перебежками, неторопливо, деловито, словно не в бою, на работе были они и выполняли ее расчетливо, обстоятельно, не обращая вроде бы никакого внимания друг на друга и на своего командира ... После многих боев, после ранения, после госпиталя застыдился себя Борис, такого разудалого и несуразного, дошел головой своей, что не солдаты за ним – он за солдатами!» (4, 54).

Примечательно сравнение действий в окружении, показанных в повести К. Воробьева, со стереотипами военной публицистики тех лет. Образцом последней может послужить **очерк В. П. Ставского**, напечатанный в «Правде» 19 ноября 1941г.: у солдат под командованием лейтенанта Маслова осталось «... по пять патронов и всего 4 гранаты. Эти гранаты Маслов сберег, чтобы оставшиеся в живых могли взорвать себя, если не удастся прорваться из вражеского кольца» (46, 96-97). Обязанности красноармейцев жестко изложены в **статье А. Толстого** от 18 октября 1941г.: «Ни шагу дальше! Пусть трус и малодушный, для кого своя жизнь дороже Родины, дороже сердца Родины – нашей Москвы, – гибнет без славы, ему нет и не будет места на нашей земле» (51,29). На этом фоне особенно понятна «безнравственность» воробьевского неприятия взгляда на армию исключительно через призму механически понимаемого «воинского долга», и, напротив, гуманного, доверительного отношения писателя к тем, кто и без идеологических устрашений был готов защищать свою землю.

Обличения военных просчетов высшего командования в произведениях «лейтенантской прозы» чаще проявляются в контексте. В черновом варианте «Убитых под Москвой» звучал обличительный монолог о состоянии советских войск: « – СССР! Дальше всех летали... Глубже плавали! И ни единого автомата! Великий вождь. Ха-ха-ха! – в душу его нерусскую, темную... С пол-литром на танк, а? Ты знаешь, лейтенант, как немцы называют эти пол-литры... Сталинским коктейлем! Фанерные самолеты – чижики! Полстраны за три месяца. Мерзавец!!!» (25, 214). Однако со свойственным ему художественным тактом писатель отказался от подобной проявленности идеи, выразив ее в подтексте всей повести.

Подобные моменты находим в повести **Г. Бакланова «Мертвые сраму не имут»** (1961): « – Послать разбитый дивизион под гусеницы танков! Без рекогносцировки! Не разведав, не уточнив! Нами затыкали дыру, как амбразуру чужим телом! Кто отвечает за это?... Разбитый с тремя пушками дивизион против «тигров»! У меня пять патронов в пистолете. Кто отвечает за это?» (9, 193). Однако эти слова писатель счел возможным доверить явно отрицательному персонажу – предателю Ищенко, что, безусловно, снижает их идейную значимость.

ВОСПРИЯТИЕ МИРНОГО НАСТОЯЩЕГО С ПОЗИЦИЙ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ КАК ОСНОВА МИРООЩУЩЕНИЯ ФРОНТОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

В конце XX и начале XXI века значительно уменьшилось количество писателей, пишущих о войне. Однако появился термин «*новая военная проза*», включающий как произведения об афганской и чеченской войнах, так и полемическое изображение войны писателями-фронтовиками. В 2000г. журнал «Знамя» провел дискуссию на военную тему среди современных писателей, среди которых были В. Березин, В. Быков, Г. Владимов, В. Соснора (Знамя. - 2000.- 5. - С. 3 -14).

Проблема отношения к войне последующих поколений стала одной из ключевых в творчестве «лейтенантов» конца 1970-х – 2000-х гг. Особый резонанс вызвал роман **В. Астафьева «Прокляты и убиты»** (опубликован в 1992г.), адресованный «...спасенным от фашизма гражданам родного Отечества, забывшим и себя и нас, все святое на этой земле поругавшим» (6, 95). В произведении автор рисует войну в «ее настоящем выражении – в крови, в страданиях, в смерти». Название взято из писания старообрядцев Красноярского края: «Все кто сеет на земле смерть, братоубийство, раздоры будут прокляты и убиты». С этим романом писатель стал финалистом российской Букеровской премии 1993г., лауреатом премии «Триумф» 1994г., лауреатом Государственной премии Российской Федерации в области литературы 1995г. Но и не приняли книгу многие: Ю. Бондарев, Г. Бакланов, Е. Носов и др. В. Астафьев вводит в роман философские и исторические рассуждения, дополняет его комментариями, содержащими личные воспоминания, письма читателей, подтверждающих правоту автора в художественном изображении войны. Он создает в романе свою героиню войны, освещая её с точки зрения солдата, вскрывая фальшь и ложь официальной советской системы. Как и во всех военных произведениях В. Астафьева, ключевыми здесь оказываются размышления о том, как может выжить отдельный человек на войне. При этом автор пытается определить свое отношение к современным нравственным проблемам через происходящее в 1942г.

Проблема преступления и меры ответственности за него подробно исследуется в творчестве **К.Воробьева («Почем в Ракитном радости», «Уха без соли»)**.

Герой «**Почём в Ракитном радости**» Кузьма Останков по своей «дороге страданий» доходит и до северных лагерей, никогда не забывая, «с каким полупночным вниманием ящеров глядели на нас «смершовцы», когда задавали вопрос, почему мы остались живы...» (23, 432-433). В повести плен рассматривается уже как факт общественного сознания 60-х-70-х гг. Воспоминания о немецком плене в сознании рассказчика стоят рядом с пережитым в «своём» лагере, причём пребывание во втором оказалось даже более мучительным в силу своей несправедливости, убивающей последнюю веру в родное государство. Известно, что в 1943-м году был принят Указ «*О мерах наказания изменникам Родины и предателям и о введении для этих лиц, как меры наказания, каторжных работ*» на срок от 15-ти до 20-ти лет. «Изменниками» же и «предателями»

оказалось большинство из двух миллионов бывших военнопленных, вернувшихся в Советский Союз, в том числе бежавших из лагерей и участвовавших в боях. (53, 45-67). К. Воробьев показывает, что предательство совершило как раз государство, заклеившее многих своих защитников кратким определением «враг народа» и вычеркнувшее их из истории.

Не сразу за критикой тоталитарной политики исследователи увидели главную идею рассказа «Уха без соли» (1970). Характеризуя воробьевских персонажей, близких образам рассказчика и его друга Дениса Ивановича Неверова, И. Золотусский подчеркивал: «... верша суд беспощадный над своим прошлым и над собою, они не желают новой крови. Это им не дано от природы... Им легче простить, чем казнить». (34, 25). «Лев Толстой присутствует в этом рассказе, – замечает С. Федякин. – Незримо. Не во «всепрощенстве», а в глубоком чувстве, что все мы – под одним небом живем, что жизнь, в конце концов, примиряет». (54, 7).

Разоренным оказывается праздничный полевой стол двух бывших пленных, отмечавших день своего второго рождения – годовщину совместного побега из вяземского лагеря. Так же разрушается возведенный ими «предел в ... поминаниях прошлого», его «изжитых стыдных унижений». При виде бывшего полица Тимохи рассказчик признается: по собственной реакции и по тому, «как пригнулся и шагнул прочь Денис Иванович, я понял, что нам с ним никогда не избыть страха погони и застигнутости!» (24, 382-383). Неожиданная встреча с «полиявшимся» предателем, погубившим многих соотечественников, но оставшимся в живых, породила у рассказчика не раз высказываемую воробьевскими персонажами мысль «об аморальности для людей любого неотомщенного преступления» (24, 386).

Показательно, что первый шаг навстречу бывшему врагу сделал именно Неверов – тот, кому «за его надежный, выносливый и какой-то себе-наумешный вид... больше других выпадало в лагере плетей и палок». Одиноким отблеск Тимохиного костра (костер в рассказе – символ негасимой памяти о военном прошлом, «вечного огня» в душах его участников) вызвал в сознании друзей «что-то тревожное и неприкаянное, почему-то хочется тогда знать, кто его жжет, что не нем варит и о чем думает» (24, 387). Потребность понять, как живет бывший полицай с таким моральным грузом, – это, а не жажда знания заплаченной Тимохой за его преступления цены, заставило Дениса Ивановича пойти на ночной разговор с неприятным гостем. Не «законный» приговор последнего к расстрелу, замененный шестнадцатью годами лагерей, а невольное сочувствие к боли другого человека, тоже пострадавшего в водовороте политических страстей эпохи культа личности, делает возможным прощение палача жертвой. «-Вот она, наша славянская душа! Не можем до конца сохранить ненависть к преступнику и насильнику над собой, не можем!» – пытается проанализировать свой поступок Неверов, как и рассказчик, вопреки всему сохранивший эту способность русской души видеть даже в самом падшем человеке человеческое (24, 388). В результате праздник «второго рождения» героев обретает еще более глубокий, свидетельствующий о восстановлении духа, смысл.

ПОНЯТИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ ПОКОЛЕНИЙ

«Человеческая ответственность – не навязываемые извне нормы, а внутренняя, органическая, глубоко личная ответственность – является необходимым условием подлинной свободы ... Проблема ответственности – ответственности за себя, за другого человека, за свое дело, за свою страну, за свой народ – является сейчас одной из главных и решающих мировых проблем». (39, 47). Эти строки из статьи В. Кожина «Современность искусства и ответственность человека» (1966-1967) могли бы стать достойным эпиграфом к произведениям «лейтенантов», в которых они пытаются понять происходящее с послевоенными поколениями с позиций «навек – девятнадцатилетних».

Особое место в этом ряду принадлежит неоконченной повести **К. Воробьева** «...И всему роду твоему» (опубликована в 1975г.). Ее главный герой Родион Сыромуков существует в двух мирах, поверяя сегодняшний день вчерашним, оценивая происходящее с наиболее беспристрастных, на его взгляд, позиций военного времени. По убеждению героя, недостающее современникам «...чувство долга, чести, самопожертвования ... категорическое повеление ... проявляется главным образом в условиях всенародных бед и войн в первую очередь у людей с большой душой...» (25, 304-305). Право данной позиции на существование подтверждается сходными высказываниями представителей военной прозы. Так, в одном из интервью Б. Васильева есть слова: «Патриотизм измеряется только одним. Войной. Патриотизм есть проявление любви к Родине в экстремальных обстоятельствах. Экстремальное – это когда на нее нападают. Когда ее обижают. А не когда она обижает...». (19, 8).

Похожие мысли находим и у **Г. Бакланова**: «Наверное, только в дни великих всенародных испытаний, великой опасности так сплачиваются люди, забывая все мелкое. Сохранится ли это в мирной жизни?» (9, 141). В автобиографии мы снова встречаем эту мысль: «Мы возвращались с фронта победителями, а дома, в своей стране, становились побеждёнными. Донительство, карьеризм, предательство становились добродетелью времени, наверх всплывали подонки, хозяевами жизни становились те, кто в войну был дальше от фронта или, как тогда говорили, был нужен Родине в тылу» («Писатели России: Автобиографии современников», М., 1998) (67).

Критично настроенный к окружающим герой К. Воробьева максимальные требования предъявляет прежде всего к самому себе, судит, по выражению Л.Лавлинского, «себя нынешнего, свои дела и поступки с прежней солдатской строгостью («Не простит меня мой лейтенант!») – восклицает в стихах лирический герой С. Орлова». (42, 168-169). Герой не чувствует себя современным человеком, ощущая себя как «безнадежно больного и пожилого – да, старого, давно уже старого! – человека», как «невропатическое ничтожество, лишенное всяческой способности к защите» от ранящего его хамства «довольных» и «сытых». Боль и неприятие героя вызывает забвение соотечественниками тех понятий, благодаря которым оказалась возможна великая Победа, – долга, сопереживания, силы духа, ответственности за себя и окружающих. И в послевоенные

годы «сохранивший себя настоящим лейтенантом», Сыромуков тоскует по духовному облику «навек девятнадцатилетних», не находя его отпечатка ни среди своих ровесников (особенно героя задело поведение бывшего единомышленника партизана Зелымхана, разыскавшего своего командира через много лет исключительно «по делу» – для оформления пенсии), ни, тем более, в современной молодежи. Сыромуков понимает, что тогда «не то было время и не те требования предъявляло оно своим ровесникам», и все же раздражается инфантильностью сына и потребительской психологией сограждан.

Характеризуя конец 90-х, **Б. Васильев** снова озвучивает идею о том, что все познается в сравнении: «Чтобы понять, что значит «плохо», надо знать, как это «плохо» в реальности выглядит. Вот тогда было плохо... А сейчас это всё – скулеж. Просто научились скулить. И заметьте: кто скулит? Обыватель. На то он и обыватель – он всю жизнь скулит и просит... А ты не проси. Ты с себя начинай. Ты – исходная всего точка...» (19, 8).

И все же у него хватает решимости бросить вызов процветающему «хаму, шельме или дураку»: «- ...а какой это болван решил, что мы не нужны жизни? – нечаянно громко и властно сказал Сыромуков. – Почему же тогда ты, а не кто-то другой командовал партизанским отрядом?»

К. Воробьев показывает, что современная потребительская философия оказывается не безродной или чужеземной, а порожденной уродливой политической системой СССР. Утверждения Яночкина, «бытоустойчивого цельного» человека, которому «никогда не грозила какая-нибудь серьезная опасность в жизни», отличаются бездумным цинизмом и жестокостью. В отличие от прошедшего через фашистские лагеря Сыромукова, считающего всех бывших пленников достойными ордена «Скорбящей Матери», Яночкин заявляет: «Предателей хватало. Особенно среди пленников. Это ведь ясно. Раз ты сдался врагу и остался жив – значит, что?» И их «наградой» может быть только орден «блудного сына»... Тут все правильно. Получай и неси свой знак без права снятия. До самой смерти...» (24, 276).

«В повести утверждается идеальным тип личности, совмещающей в себе незащищенность сердца, оголенность чувств – и их подвластность требованиям разума, воли, нравственных законов, способность к проявлению собственного «я» – и отличное от коммунистического коллективизма соборное начало, основанное на чувстве родства и взаимной ответственности за индивидуальную и всеобщую судьбы» (55, 234).

Неприспособленность к «гражданской» жизни, как в случае в Сыромуковым, может вызвать чувство собственной ненужности и чужеродности – чувство, которое при награждении в 2001 году К. Воробьева (посмертно) и Е. Носова литературной премией А. Солженицына жюри определило как «позднюю горечь пренебреженных ветеранов». (48, 1-2). Уже в наши дни **Ю. Бондарев** признавался: «Наше поколение вымерло, остались единицы, к горькому сожалению, оно, наше поколение, вместе с народом принесло на своих плечах общечеловеческую победу и спасло мир. Но человечество не всегда бывает благодарно» (12, 3).

Более склонен к компромиссу, но так же болезненно воспринимает свое мирное настоящее персонаж романа **Ю. Бондарева «Берег»** (1974) Вадим Никитин: «Я ненавижу войну, но мне порой до тоски не хватает людей, с которыми я встречался на войне, всех – плохих и хороших... война кончилась, прошло много лет, и я почувствовал, что людей лучше тех я потом не встречал. Это ностальгия поколения... наше поколение выбили. Почти всех. Наверное, особенно поэтому я их люблю и не могу забыть» (11, 361). В романе также поднимается проблема роста материальных устремлений современного мира: «Обыватели живут в одурманивающем мире товаров и превращаются в бездушные машины потребления... Прагматизм подчиняет все. Истоки и модель – Америка... через несколько лет Советский Союз тоже зажрется, и у вас тоже исчезнет духовная жизнь: машина, квартира, загородный коттедж, холодильник станут богами, как на Западе. И вы постепенно забудете сороковые годы, войну, страдания...» (11, 314). Однако стоит отметить, что обличающие слова вложены в уста западного коммерсанта Дицмана.

В этом смысле интересно сравнение Сыромукова с его ровесником ветераном Крымовым, центральной фигурой романа **Ю. Бондарева «Игра»**, сделанное И. Дедковым в статье «Перед зеркалом, или Страдания немолодого героя». Летя в самолетах, оба персонажа пытаются представить, что произойдет в случае падения. И если воробьевский герой думает о людях, «о последнем человеческом родстве и тепле перед лицом катастрофы», то Крымов представляет лишь себя, отстраненного, отдельного от всех. «Сыромуков для меня здесь, рядом с Крымовым, – продолжает критик, – как воспоминание о чем-то естественном, даже отрезвляющем, возвращающем чувство нормы и твердой земли под ногами» (30, 202). О том же Ю. Бондарев говорит в интервью 2006г.: «сегодня, по-моему, мы в большинстве своем лишены воображения, а значит – чувства. Современное общество занято исключительно практическими целями, материальными мыслями» (12, 3).

Категоричность и искренность подобных переживаний, обусловленные трагическим ощущением обесцененного подвига, определены прежде всего понятием *гражданственности*. Гражданственность же, согласно В. Кожинуву, и есть «личная ответственность человека за судьбу своего Отечества... поведение, которое дает человеку ПРАВО [Выделено В. К.] лично выступить от имени Отечества. Здесь важно всемерно подчеркнуть слово «право». Нельзя просто выступать от имени Отечества; надо иметь на это право, надо заслужить, завоевать, выстрадать это право» (39, 54).

К несчастью, трудно усомниться в том, что именно по причине несовпадения сложившихся идеалов и реалий 1990-х трагически ушли из жизни Ю. Друнина (1991г.) и В. Кондратьев (1993г.).

В одном из писем К. Воробьев так отозвался о впечатливших его книгах: «Они очень русские, очень больные и – истинно талантливые». (25, 343). Эти определения в полной мере можно отнести ко всей «литературе лейтенантов», творивших, по выражению Ю. Бондарева, с «высоким сознанием своего долга и ответственности перед павшими и живыми» (28, 64).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представители «лейтенантской прозы» честно, без господствовавшего в литературе послевоенного десятилетия идеологически обусловленного искажения событий, осветили такие запретные в ту эпоху темы, как деморализованность армии в начальный период войны, недостаток вооружения, проблемы кадрового состава Вооруженных Сил, отречение государства от попавших в плен воинов, правда о лагерях, подводя читателя к осознанию преступной неготовности правительства к фашистской агрессии и бесчеловечности военной политики тоталитарной системы.

В целом для данного течения характерны следующие идейно-художественные принципы:

- неприятие тенденциозного морализаторства в изображении войны, ее «ура-патриотического» восприятия. Для «лейтенантов» война – хаотичная, лишенная логики ежечасная трагедия;
- отказ от сложившегося в предшествовавшей литературе освещения войны в общем, событийном плане, стремление дать читателю увидеть «частную» войну глазами ее участников. Действие происходит в реальной фронтовой обстановке, на обыденном, бытовом фоне. Героическое не традиционный впечатляющий подвиг в чрезвычайных условиях, а постоянная борьба человека с обстоятельствами и собственной слабостью;
- психологизм, пристальное внимание к внутреннему миру персонажей. Характерным является вопрос о влиянии полученного до фашистской агрессии воспитания на поведение человека на войне, при этом доминирует идея, что истоки патриотизма таятся не в идеологических догмах, а в любви к своей малой родине;
- вопрос о мере человеческой ответственности влечет за собой серьезные раздумья о моральной неправомерности самоубийства в плену и особенно тяжелом грузе ответственности, лежащем на командирах. Последние нередко оказываются заложниками противоречивых требований воинского устава и законов нравственности;
- иначе рассматривается игнорируемая или однозначно трактуемая тема плена (пленный – предатель и враг). «Лейтенантами» проблема решается многоаспектно, с вниманием к конкретным судьбам и ситуациям.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев М. Мой Сталинград // Роман-газета.–1993.-№1199.– 47с. (Ч. I).
2. Андреев Ю. А. Литература о Великой Отечественной войне // Андреев Ю. А. Советская литература. Ее история, теория, современное состояние и мировое значение. Книга для учащихся 10 класса средней школы. – М.: Просвещение, 1988. – С. 189-233.
3. Астафьев В. П. Выступление на конференции «Актуальные вопросы исторической науки и литературы» 27-28 апр. 1988г. в г. Москве //Литературная газета. – 1988. – 18 мая. – С. 4.
4. Астафьев В. П. Где-то гремит война: Повести и рассказы / Сост. С. Суворова. – Рига: Лиесма, 1986. – 351 с.
5. Астафьев В. П. Пионер – всему пример // Октябрь. – 2001. – №1.
6. Астафьев В. П. Прокляты и убиты //Роман-газета.–1994. – № 3.– С. 95.
7. Астафьев В. П. Пролетный гусь // Новый мир. – 2001. – №1.
8. Бакланов Г. Я. Военные повести.– М.: Советский писатель,1967. – 584 с.
9. Бакланов Г. Я. Пядь земли: Повести и рассказы. – М.: Советская Россия, 1980. – 384 с.
10. Богомолов В. Зося //Победа. Повести. Рассказы /Под ред. В. Беловой, подгот. текста Л. Полосиной. – М.: Худож. лит., 1985. – С. 59-86.
11. Бондарев Ю. В. Берег: Роман. – М.: Советская Россия, 1986. – 400 с.
12. Бондарев Ю. «Мир спасет слово...» // Аргументы и факты. – 2006. – №18. – С.3.
13. Бочаров А. Г. Человек и война. Идеи социалистического гуманизма в послевоенной прозе о войне. – М.: Сов. писатель, 1973. – 456 с.
14. Быков В. Болото // Дружба народов. – 2007. – №7.
15. Быков В. Горький привкус Победы //Дружба Народов. – 2002. – №4.
16. Быков В. На болотной стёжке //Звезда. – 2001. – №8.
17. Быков В. В. Повести. Перевод с белорусского. – М.: Советский писатель, 1986. – 592 с.
18. Василевский А. Воспитание в перевернутом виде: По страницам прозы В. Семина и К. Воробьева //Детская литература. – 1990. - № 3. – С. 8-11.
19. Васильев Б. «К вопросу о себе»//Аргументы и факты.–1999.-№ 6. – С. 8.
20. Великая Отечественная война: Вопросы и ответы /П. Н. Бобылев, С. В. Липицкий, М. Е. Монин, Н. Р. Панкратов. – М.; Политиздат, 1984. – 430 с.
21. Великая Отечественная война в современной литературе: Сб. статей /Под ред. В. И. Борщукова, Л. В. Ивановой. – М.: Наука, 1982.
22. Волков О. Письмо Шолохову // Звезда. – 1991. – № 5. – С. 158-160.
23. Воробьев К. Д. Собр. соч. в 3-х т. Т. 1. Повести /Сост. Воробьевой В. В., под ред. М. И. Вострышева. – М.: Современник, 1991. – 479 с.
24. Воробьев К. Д. Собр. соч. в 3-х т. Т. 2. /Сост. Воробьевой В. В., под ред. М. И. Вострышева. – М.: Современник, 1991. – 480 с.

25. Воробьев К. Д. Собр. соч. в 3-х т. Т. 3. Рассказы, из архива писателя, письма, приложение / Сост. Воробьевой В. В., под ред. М. И. Вострышева. – М.: Современник, 1991. – 495 с.
26. Всемирная история. В 24-х томах. Т. 23. Вторая мировая война /А. И. Бадак, И. Е. Войнич, Н. М. Волчек и др. – Минск, 1988. – С. 419-466.
27. Горбатов Б. Лагерь на Майданеке // Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет / Сост. Ю. Н. Афанасьева; Предисл. И. К. Кузьмичёва; Худож. А. Ременник. – М.: Сов. Россия, 1985. – С. 260-275.
28. Горбунова Е. Ю. Бондарев: Очерк творчества. – М.: Советская Россия, 1989. – 432 с.
29. Дедков И. Живое лицо времени. – М.: Советский писатель, 1986. – С. 122-218.
30. Дедков И. Перед зеркалом, или Страдания немолодого героя (о романе Ю. Бондарева «Игра») //Дедков И. Обновленное зрение. Из 60-х в 80-е. – М.: Искусство, 1989. – 318 с.
31. Добренко Е. Фундаментальный лексикон. Литература позднего сталинизма //Новый мир. – 1990. - № 2. – С. 237-250.
32. Земсков В. [Информация о бывших военнопленных и окруженцах, проходивших проверку в спецлагерях НКВД] //Аргументы и факты.– 1989. – № 38. – С. 8.
33. Золототрубова Н. Н. Нравственные аспекты войны и мира в прозе К. Воробьева: Автореф. дисс. на соиск. учён. степ. канд. филол. наук.: 10.01.02 / Воронежский гос. ун-т. – Воронеж, 1995. – 23 с.
34. Золотусский И. Очная ставка с памятью (о творчестве К. Воробьева) //И. Золотусский. Очная ставка с памятью. – М., 1983. – С. 14-26.
35. Зубков В. Полвека прошлого без будущего?// Литература. – 2000. – N 23. – С. 2-3.
36. Ивлева М. Всё правда, кроме финала // Владивосток-новости. – 2000. – 5мая.
37. Калинин А. Время «Тихого Дона»:Статьи.– М.:Современник,1979.–189 с.
38. Кедровский А. Е. Земляки: творчество К. Д. Воробьева и Е. И. Носова. – Курск: Изд-во Курского гос. пед. ун-та. – 1999. – 154 с.
39. Кожин В. В. Статьи о современной литературе. – М.: Советская Россия, 1990. – 544 с.
40. Козлов И. Вечно великое //Великая Отечественная война в русской советской прозе. – М., 1968. – С. 54.
41. Кондратьев В. Л. На поле Овсянниковском: Повести. Рассказы /Послесл. Л. Лазарева. – М.: Известия, 1985. – 576 с.
42. Лавлинский Л. Биография подвига. (О прозе К. Воробьева) //Литература великого подвига. Великая Отечественная война в советской литературе. Выпуск 4. – М., 1985. – С. 167-179.
43. Овчаренко А. И. Большая литература: Основные тенденции развития советской художественной прозы 1945-1885 гг. Сороковые-пятидесятые годы. – М., 1985. – 464 с.

44. Польш Д. В. Война в произведениях М. А. Шолохова («Они сражались за Родину») И. В. Астафьева («Прокляты и убиты») / Д. В. Польш // Литература в школе. – 2005. – № 2. – С. 14-18.
45. Присуждена премия А. Солженицына: К. Воробьеву (1919-1975) (посмертно) и Е. Носову // Литературная газета. – 2001. - № 9, 28 февраля - 6 марта. – С. 1.
46. Россия, которую мы не знали. 1939 – 1993: Хрестоматия / Сост. Л. Я. Барановой, Н. Н. Баранова, Ю.В. Величко и др.; Под ред. М. А. Дашевской. – Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 1995. – 432 с.
47. Семин В.Н. Нагрудный знак «ОСТ»: Роман. Семеро в одном доме: Повесть. – М.: Правда, 1989. – 480 с.
48. Сергеев П. «Пренебреженным ветеранам» [О премии А. Солженицына К. Воробьеву и Е. Носову] // Книжное обозрение. – 2001. - № 9. – 5 марта. – С. 1-2.
49. Современность и литература. – М.: ГНХЛ, 1961. – С. 153.
50. Толстой А.Н. Родина // Публицистика периода ВОВ и первых послевоенных лет / Сост. Ю.Н. Афанасьева; Предисл. К. Кузьмичева. – М.: Советская Россия, 1985. – С. 19-25.
51. Толстой А.Н. Только победа и жизнь! // Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет / Сост. Ю.Н. Афанасьева; Предисл. И.К. Кузьмичева; Худож. А. Ременник. – М.: Советская Россия, 1985. - С. 29-32. – (Школьная библиотека).
52. Томашевский Ю. Лейтенант 41-го года // Новое в школьных программах. Современная русская проза. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам / Сост. С.Ф. Дмитриенко. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – С. 33-41.
53. Упоров И.В., Кашуба Ю.А., Меликян А.М. Лишение свободы в советском государстве довоенного периода: правовое регулирование и реализация: Монография. – Армавир: ИЦ АГПИ, 2000. – С. 45-67.
54. Федякин С. «До жути одинокий...»: К 90-летию К. Воробьева // Независимая газета. – 1999. – 24 сент. – С. 7.
55. Хаткина А.В. (Чеснокова А.В.) Проблема «Личность и время» в прозе К. Д. Воробьева и способы ее художественного воплощения. Дисс. на соиск. уч. степ. к.ф.н. по спец. 10.01.01.-русская литература - Краснодар, 2003.(КубГУ, дисс. Совет Д 212. 101. 04226с.
56. Холодяков И. В. Образ человека на войне в русской классической литературе и прозе XX века / И. В. Ходяков // Литература в школе. - 2002. – № 3. - С.33-37.
57. Холодяков И. В. Великая Отечественная Война в произведениях русской литературы XX века / И. В. Холодяков // Литература в школе. – 2004. – № 4. – С. 15-18.
58. Худолева Л. А. Урок внеклассного чтения по повести В. Быков «Сотников» / Л.А. Худолева // Литература в школе. - 2004. – № 5. – С. 43 – 44.

59. Чалмаев В. А. На войне остаться человеком. Фронтовые страницы русской прозы 60-90-х гг. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – С. 38-68. – (Перечитывая классику).
60. Чалмаев В. А. «Слово, не сорвись на стон...»: К. Воробьев: у истоков войны народной //Литература в школе. – 1998. – №4. – С. 62-75.
61. Шолохов М. А. Поднятая целина. Судьба человека /Вступит. стат. Л. Якименко. – М.: Художественная литература, 1978. – 654 с. (Б-ка классики. Советская литература).
62. Шолохов М. А. Судьба человека //Победа: Повести. Рассказы /Под ред. В Беловой. – М.: Худож. лит., 1985. – С. 443-459.
63. Юркович М. Шолохов о судьбе человека. (Перевод с сербохорватского Ю. Брагина) //Иностранная литература. – 1984. - № 6. – С. 174-176.
64. Синельников М.А. А надо бы всерьез... //Литература и жизнь. – 1962. – 11 ноября. - № 134. – С. 3.
65. Документы свидетельствуют... Из фондов Центра хранения современной документации (ЦХСД) /Публикация Т.Домрачевой, Л.Пушкаревой //Вопросы литературы. – 1993. - № 1. – С. 215-257.
66. Кравцова И. М. Тема Великой Отечественной войны в «лейтенантской прозе»: выпускная квалификационная работа (науч. рук. Чеснокова А. В.). АГПУ, кафедра литературы и методики её преподавания, 2008г.
67. <http://www.litrossia.ru/archive/176/criticism/4367.php>
68. <http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/denlit/091/14.html>

Анастасия Владимировна Чеснокова,

заведующая кафедрой гуманитарных предметов
Армавирского филиала ГОУ Краснодарского края
«Краснодарский краевой институт дополнительного
профессионального педагогического образования»,
кандидат филологических наук

**ТЕМА ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
В «ЛЕЙТЕНАНТСКОЙ ПРОЗЕ»
(К. Воробьёв, В. Быков, Г. Бакланов, В. Астафьев и др.)**

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

Печатается в авторской редакции

Компьютерная верстка
В. В. Стрельниковой

Подписано в печать 19.05.2010. Формат 60×90/16.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная.
Усл. п. л. 1,3. Тираж 200 экз.

АФ ГОУ ККИДПО
Краснодарский край, г. Армавир, ул. 30 лет Победы, 15.